

СИСТЕМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1991–2020 ГГ.)

Друзьяка А. В.,

Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия

E-mail: druziyaka12@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.10

Для цитирования: Друзьяка А. В. Система регулирования внешней миграции на Дальнем Востоке Российской Федерации (1991–2020 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 114–129. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.10

Аннотация. В статье рассмотрена система регулирования внешней миграции на российском Дальнем Востоке, состоящая из органов обеспечения въезда и выезда граждан России и иностранцев на территорию России, режима их пребывания, регистрационного учета, трудовой деятельности и натурализации. Дана периодизация этапов российской миграционной политики в конкретных условиях, детерминированных политической и экономической конъюнктурой.

Целью статьи является анализ исторических условий, а также характерные особенности создания, функционального становления и организационной трансформации органов системы государственного регулирования контроля над миграцией в период 1991–2020 гг. Рассмотрены проблемы их функционирования и результаты осуществления миграционной политики на Дальнем Востоке России. В данной статье кратко будут представлены основные аспекты формирования системы органов государственного регулирования иммиграции в 1990-е гг., а также связанные с ними трудности, проявившиеся в реализации государственной миграционной политики в исследуемый период. На основе анализа деятельности ряда федеральных и региональных социальных, административных и силовых органов рассмотрен опыт государственного регулирования внешней миграции в период 1990–2020-х гг., приведен анализ реализации функций системы миграционных органов и результаты их воздействия на отдельные внешнемиграционные потоки.

Открытие границ и массовый приток мигрантов из стран Азии на Дальний Восток в 1990-е гг. совпали с периодом реформирования системы органов государственного контроля над миграцией, которая была подвергнута организационным изменениям, получила ряд новых функций и задач. На Дальнем Востоке России процесс реформирования этой системы был осложнен трудностями регионального характера, связанными с развитием взаимоотношений федеральных и региональных властей с предпринимательством и местным самоуправлением.

Слабость и недостаточная координация деятельности органов миграционного контроля, отсутствие у них единых и понятных целей, передача компетенции натурализации и учета мигрантов в руки силовых ведомств, утрата социальной направленности в работе с переселенцами во многом стали причиной провалов в социальной политике в отношении мигрантов, формирования в их среде замкнутых криминальных сообществ, являющихся основой для создания на территории России экстремистских практик и ответных ксенофобских настроений в принимающем российском обществе.

В результате анализа итогов деятельности системы миграционных органов сделаны общие выводы об эффективности ее работы на Дальнем Востоке, достигнутых успехах. Вместе с тем, в статье предложены меры по совершенствованию работы с иностранными рабочими и переселенцами, нацеленные на компенсацию убыли населения и трудовых ресурсов в регионе.

Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании системы миграционного контроля, для выработки основ миграционной политики в регионе. Поднятые в статье вопросы могут стать основой для более глубокого исследования процессов, связанных с деятельностью государственных, муниципальных и общественных органов, принимающих участие в регулировании миграции, для привлечения, обустройства и адаптации необходимых Дальнему Востоку переселенцев.

Ключевые слова: реформы, Дальний Восток России, внешнеэкономическая деятельность, регулирование миграции, государственные органы, миграционная политика, мигранты, переселенцы, натурализация.

Введение

Демографический и миграционный кризисы, которые наша страна переживает на протяжении последних тридцати лет, являются одним из основных факторов,

сдерживающих ее развитие. Актуальность исследования миграционных проблем, проявляющихся все отчетливее в региональном и федеральном измерении, усиливается застарелым комплексом теоретических, организационно-правовых и административных факторов, создающих общую картину миграционного кризиса в крупных агломерациях и в трудодефицитных регионах с недостаточным количеством необходимой рабочей силы и специалистов, к которым сегодня можно отнести Дальний Восток России.

Необходимо отметить, что при решении проблемы демографического развития отдельных регионов федеральные и региональные власти нередко обращаются к историческому опыту миграционной политики имперского и советского периода, иногда утрируя его до раздачи переселенцам крупного рогатого скота, связанных кредитов и «гектаров», совершая попытки создания «свободных портов» и «территорий особого развития», имеющих пакет разнообразных административных и налоговых льгот и более облегченную процедуру привлечения иностранного труда и капитала.

Вместе с тем, продолжающийся ежегодно отток дальневосточного населения фактически обнуляет громкие и широко рекламируемые в СМИ акции по приему отдельных групп соотечественников, а попытки экстраполировать систему переселенческого стимулирования XIX – начала XX вв., включавшую предоставление таких льгот, как участок земли, скот и инвентарь, освобождение от подушного и поземельного налога и воинской повинности, на современные дальневосточные реалии выглядят по меньшей степени нелепо.

Результатом действия комплекса выталкивающих факторов, сложившихся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., является многолетний устойчивый тренд на убыль постоянного населения региона, который сегодня расценивается как серьезный вызов безопасности страны. В числе этих факторов можно назвать идеологические разногласия и противоречия, а также организационные трудности, сопутствовавшие регулированию миграции и оказавшие прямое влияние на формирование современной миграционной ситуации на Дальнем Востоке.

История исследования

Истории дальневосточных миграций и региональным проблемам, связанным с оттоком населения, посвящены многочисленные научные работы. В их числе можно выделить труды российских экономистов и демографов В. А. Ионцева, Е. Л. Мотрич, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Рязанцева [Ионцев, 2019, 2020; Мотрич, 2019; Рыбаковский, 2019; Рязанцев, 2020].

Многолетние исследования этих авторов указывают на то, что основополагающую роль в процессе сокращения численности дальневосточного населения играет миграционный отток, который стал отрицательным в регионе с 1989 г. [Мотрич, 2019]. Учитывая состояние современных демографических реалий России в целом и ее отдельных регионов, большинство исследователей указывает на то, что в ближайшей перспективе многое будет зависеть от эффективного привлечения мигрантов, исходя, прежде всего, из региональных интересов [Рыбаковский, 2019].

Численность населения Дальнего Востока в период с 1992 по 2019 гг. сократилась более чем на 2 млн человек (на 23%), в то время как население Москвы в это же время увеличилось на 40%, что, кроме прочего, вызвано разрывом в уровне жизни в названных регионах. Указывая на перекосы в осуществлении российской национальной миграционной политики, в рамках которой «чуть ли не половина всего миграцион-

ного прироста приходится на Москву и Подмоскowie, плюс столько же внутренних мигрантов, причем зачастую из тех регионов, которые сами остро нуждаются в этих мигрантах», В. А. Ионцев делает вывод: «такое перераспределение населения страны между регионами в условиях демографического кризиса может привести к необратимым последствиям для многих из них, а вместе с ними будет поставлена под угрозу национальная безопасность страны в целом» [Ионцев, 2020].

Исторический опыт реализации мер по регулированию отдельных потоков международной миграции в регионе рассмотрен в работах А. Г. Ларина, А. Н. Петрова, О. В. Залесской и др. В исследованиях этих авторов проанализированы направления и методы реализации российской и советской миграционной политики в отношении восточных мигрантов [Ларин, 2009; Петров, 2003; Залеская, 2009].

В обобщающих работах дальневосточных историков В. Л. Ларина, А. С. Ващук, Е. Н. Чернолуцкой, Л. А. Крушановой и др. исследованы различные аспекты этномиграционной ситуации в регионах Дальнего Востока, дальневосточного рынка труда, привлечения ИРС и сопутствующие им практики государственного регулирования, имевшие место в различные периоды его истории [Ларин, 2005, 2006; Ващук и др., 2002].

Материалы и методы

В представленной статье применены методы историко-системного и сравнительно-исторического исследования, позволяющие проанализировать трансформацию миграционной политики и системы органов миграционного регулирования в различных исторических условиях. Автор использует также метод включенного наблюдения, полученный в 1993–2005 гг. в период служебной деятельности в органах паспортно-визовой службы МВД и работы в качестве начальника миграционного отдела в муниципальном предприятии г. Благовещенска Амурской области [Друзьяка, 2010].

Исследование опирается на работы историков и документы дальневосточных архивов: ГААО (Государственный архив Амурской области), ГАЕАО (Государственный архив Еврейской автономной области), ГАПК (Государственный архив Приморского края), ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), в нем также приводятся нормативно-правовые акты, действовавшие в исследуемый период.

Результаты исследования

Основные потоки массовой внешней миграции на Дальнем Востоке России сложились в дореволюционный период (1860–1917 гг.) и были представлены в основном потоками китайских и корейских мигрантов [Ващук и др., 2002]. В указанный период была сформирована в общих чертах система контроля над такими потоками и сложился комплекс проблем, трудностей и задач регулирования и управления их параметрами. Главные задачи, поставленные перед этой системой, заключавшиеся в организации режима охраны границ, пунктов пропуска через границу, паспортно-таможенного контроля, учета иммигрантов и контроля над их пребыванием внутри страны в дореволюционный период так и не были выполнены в полной мере [Друзьяка, 2010].

При этом, на наш взгляд, уже в дореволюционный период поиск приемлемых форм привлечения иностранного труда и капитала и борьба с незаконной миграцией вступали в непримиримое противоречие с потребностями в дешевой рабочей силе,

в притоке товаров и капитала с Востока. В имперский и затем в советский периоды (1856–1993 гг.) на Дальнем Востоке России прошли апробацию различные режимы миграционной политики, имевшие основной целью поддержку массового внутреннего переселения. В таких условиях привлечение внешних мигрантов (в основном из соседних стран Азии) считалось вынужденным, а сами потоки рабочих-«восточников» имели в основном обслуживающий характер.

Практики миграционного регулирования, выработанные имперскими, а затем и советскими властями на Дальнем Востоке в 1856–1980-е гг., можно разделить на несколько периодов:

- период открытых границ (1856–1924 гг.);
- период установления режима пограничного и паспортного контроля над мигрантами (1925–1937 гг.);
- период закрытых границ и прекращения массовых миграций (1938–1988 гг.);
- период открытости и включения в глобальный обмен миграционными ресурсами (1989 г. – по настоящее время)

Согласно политическим и экономическим приоритетам использовался соответствующий комплекс мер и методов воздействия на различные миграционные потоки, который был основан на стимулировании притока внутренних мигрантов и компенсации недостатка рабочих рук за счет привлечения внешних мигрантов.

Безусловным приоритетом российской миграционной политики в отношении Дальнего Востока в имперский и советский периоды его истории являлось стимулирование внутреннего притока и закрепление населения, особенно в приграничных районах. Вместе с тем, дефицит трудовых ресурсов, остро необходимых для экономического развития региона, требовал дополнительного привлечения мигрантов, в основном прибывавших из соседних стран Северо-Восточной Азии. Массовой миграции «восточников» в период до 1917 г. способствовали не только острая потребность в рабочих руках, режим открытой границы и отсутствие четкой и однозначной государственной политики по данному вопросу, но и крайняя недостаточность системы органов, призванных контролировать и регулировать их пребывание.

В результате в период до 1917 г. на Дальнем Востоке России возник устойчивый поток нелегальной миграции, причинами которой, на наш взгляд, являются противоречия между ограничительной силовой политикой государственных органов и явной экономической пользой от привлечения ИРС и торгового капитала.

В советский период невозможность решения этих проблем привела к введению в 1925–1930-е гг. строгого паспортного режима в условиях «закрытой границы», при котором внешняя миграция была кардинально ограничена и находилась под контролем силовых структур. После попыток аккультурации и адаптации китайских и корейских мигрантов на основе коммунистической идеологии интернационализма центральное политическое управление нашей страны в условиях надвигающейся войны с Японией пошло на крайние меры – отселение китайского и корейского населения от дальневосточных границ [Залесская, 2009; Чернолуцкая, 2011].

В период «закрытости» полную ответственность за пребывание мигрантов несли принимающие организации, большинство из которых имело государственный правовой статус и было встроено в систему партийно-государственного управления тех лет.

В период открытия границ и активизации внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и приграничной торговли в 1989–1993 гг. на Дальнем Востоке России сложились

новые массовые потоки международной миграции, во многом воспроизводившие дореволюционные. В их числе можно назвать потоки ИРС и торговцев из КНР, СРВ, КНДР, привлечение которых позволяло решить ряд социально-экономических трудностей периода т. н. «перестройки» и последовавшей эпохи 1990-х гг.

Открытие дальневосточных границ позволило значительно оживить внешнюю торговлю, компенсировать недостаток рабочей силы, вызванный массовым оттоком дальневосточного населения, насытить рынок необходимыми рыночными товарами, предоставило возможность для развития «челночного» бизнеса, основанного на ввозе из-за границы товаров народного потребления, подержанных автомобилей и т. д. В свою очередь, слабая и устаревшая система органов контроля, отсутствие внятной государственной миграционной политики привели к возрождению на Дальнем Востоке России массового въездного потока нелегальной миграции [Друзьяка, 2008].

Миграционная ситуация в России в целом и в ее отдельных регионах характеризовалась увеличением межрегиональных потоков (для Дальнего Востока это был массовый отток населения в западные регионы страны и за границу), появлением беженцев и вынужденных переселенцев из национальных республик СССР, массовой экономической миграцией с сопредельными странами Азии (ИРС, рыночные торговцы, менеджеры и торговые представители фирм) [Ващук и др., 2002]. В обстановке спада промышленного производства, нарастания социально-политического кризиса и отсутствия эффективного центрального и регионального управления растущая въездная миграция воспринималась как вызов, способный дестабилизировать и без того шаткую ситуацию в стране.

Необходимо отметить, что СССР до 1991 г. фактически не участвовал в процессах глобального массового обмена миграционными ресурсами. В Российской империи, при всем ее огромном бюрократическом аппарате, так и не было создано специализированных органов, в основу компетенции которых были бы в полном объеме положены вопросы контроля над международной миграцией, а в СССР до 1990-х гг. такая система была основана на контроле принимающих организаций (субъектов ВЭД, туристических бюро, образовательных учреждений, предприятий, привлекающих ИРС, и пр.) и не была рассчитана на деятельность в условиях открытой границы.

Новые условия, связанные с резким увеличением внешнеэкономических связей, появлением новых границ в рамках бывшего Союза, появлением потоков беженцев и внутренних переселенцев, необходимостью формирования рынка трудовых ресурсов вынуждали государство экстренно реформировать соответствующую систему органов государственного регулирования и выработать новые основы государственной миграционной политики.

Прежде всего, в рамках республиканских, краевых и областных исполкомов, а в последствии администраций субъектов РФ появились органы, обеспечивавшие и координировавшие внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) российских хозяйствующих субъектов, продвигавшие их интересы во внешней торговле и способствовавшие привлечению иностранной рабочей силы (ИРС) для использования на российской территории.¹ Контроль над ВЭД был передан администрациям субъектов РСФСР. Так, например, в Благовещенске в 1991 г. экстренное привлечение рабочих из КНР для окончания строительства областной клинической больницы было утверждено отдельным постановлением главы администрации Амурской области.²

¹ ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 2. Л. 180; ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 111. Л. 22–25.

² ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Новую конфигурацию получила в это время и система федеральных контролирующих органов. В их числе можно назвать органы государственной безопасности, федеральной миграционной службы (ФМС России), паспортно-визовой службы МВД (ПВС МВД), федеральной пограничной службы (ФПС), государственной таможенной службы (ГТС), государственной службы занятости населения (ГСЗН), региональные представительства МИД и другие ведомства. Большинство из перечисленных органов в начале 1990-х гг. были созданы заново или кардинально реформированы с изменением штатов, функций и организационной структуры.

В первой половине 1990-х гг. наиболее продолжительной реорганизации были подвергнуты органы государственной безопасности, имевшие непосредственное отношение к регулированию процессов международной миграции. Длительная реформа органов государственной безопасности закончилась лишь в середине 1995 г. с образованием Федеральной службы безопасности (ФСБ РФ).³

1 апреля 1993 г. был принят Закон РФ «О государственной границе Российской Федерации», согласно которому соответствующие компетенции получили МИД, Министерство Безопасности РФ и Министерство обороны.⁴

30 декабря 1994 г. Указом Президента РФ была учреждена Федеральная пограничная служба РФ (ФПС РФ).⁵

Отделы Комитета по делам миграции населения, сформированные при учреждениях Министерства труда и занятости населения в конце 1991 г., 14 июня 1992 г. стали основой для учреждения Федеральной миграционной службы (ФМС РФ), которая имела социальный характер, однако обладала широким кругом контрольных и разрешительных функций, задач и направлений деятельности, в число которых входило согласование привлечения иностранных трудовых мигрантов.

Главной причиной ее создания стала необходимость упорядочения приема и устройства беженцев и вынужденных переселенцев, обеспечения законности трудоустройства российских граждан за рубежом, контроля над законностью привлечения и использования ИРС на территории субъектов РФ.⁶ В 1994–1995 гг. территориальные органы ФМС РФ были учреждены на Дальнем Востоке России.

С принятием в 1992–1993 гг. ключевых государственно-правовых актов в области внешней миграции, их компетенция существенно расширилась за счет ряда социально-обеспечивающих и контрольно-распорядительных функций в сфере миграции.⁷

Оживление внешнеэкономических связей, внешней торговли, международного туризма, массовое привлечение ИРС в региональную экономику поставили во-

³ Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: с изменениями от 24 июля, 14 сентября 1995 г., 22 мая, 9 июля 1997 г. 30 декабря 1999 г., 7 ноября 2000 г. BestPravo. Информационной-правовой портал. [сайт] URL: <http://www.bestpravo.ru/fed1995/data03/tex15704.htm> (дата обращения: 11.06.2019).

⁴ О государственной границе Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 1993 г. №4730-1 // Ведомости Советов Народных Депутатов и Верховного Совета РФ [газета]. 1993. № 17. – Ст. 594.

⁵ История пограничной службы в России // Отечественные записки [газета]. 2002. № 6. URL: http://www.magazines.russ.ru/oz/2002/6/2002_06_33-pr.html (дата обращения: 10.05.2021).

⁶ О Федеральной миграционной службе России: Указ Президента РФ от 14.06.92 г. № 626 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ [газета]. 1992. № 25. Ст. 1422.

⁷ Положение о привлечении и использовании в Российской Федерации рабочей силы: утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16.12.1993 г. № 2146. // Собрание актов Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

прос о создании современных погранично-таможенных комплексов и обустройства новой инфраструктуры пропускных пунктов на границе (ПП). Как свидетельствуют документы того времени, в период 1988–1993 гг. материальная база и логистические возможности данных учреждений не устраивали ни участников ВЭД, ни органы государственной власти.⁸ Главной причиной такого несоответствия было признано отсутствие государственного финансирования реконструкции старых и создания новых пунктов пропуска и погранично-таможенных учреждений. В итоге финансирование их создания возлагалось на заинтересованные предприятия и организации, которые выделяли на эти цели часть своей прибыли.⁹

Необходимо заметить, что предпринятые до сегодняшнего дня попытки решить вопрос об обустройстве и строительстве за счет государственного бюджета новой, современной погранично-таможенной инфраструктуры и помещений для ПП на российско-китайской границе на Дальнем Востоке, на наш взгляд, дали минимальный эффект.

Большинство пассажирских ПП на дальневосточном участке российско-китайской границы сегодня по-прежнему находятся в ведении частных структур. По уровню обустройства помещений, благоустройства прилегающих территорий и материального обеспечения они резко контрастируют с соответствующими погранично-таможенными комплексами на сопредельной китайской территории. Не является в данном случае исключением и новейший логистический центр в районе российско-китайского автомобильного моста через Амур в районе Благовещенск-Хэйхэ, построенного на средства китайских инвесторов.

В начале 1990-х гг. потребовались также серьезные меры по обеспечению паспортно-визового контроля над пребыванием иностранцев, включавшие реорганизацию органов регистрации и обеспечения режима законного пребывания на российской территории.

В 1993 г. подведомственные МВД органы паспортного и регистрационного учета были реорганизованы на федеральном уровне в паспортно-визовую службу МВД РФ (ПВС МВД РФ).¹⁰ На ее подразделения были возложены функции по выдаче гражданам России внутренних и заграничных паспортов и пропусков на въезд в пограничную зону, регистрации граждан России и иностранцев, адресно-справочной работы, рассмотрения вопросов о принятии в гражданство иностранных граждан. Органы ПВС МВД должны были участвовать в реализации закона «О гражданстве Российской Федерации» от 1991 г., вследствие чего они стали главным натурализационным органом внутри страны (за границей решения о предоставлении иностранцам гражданства РФ принимали консульские учреждения МИД РФ).¹¹

Новый этап межгосударственных отношений, выпавший на начало 1990-х гг., вызвал необходимость более тесной координации деятельности в сфере внешней экономики на местном уровне путем создания на Дальнем Востоке региональных

⁸ ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2463. Л. 125–127.

⁹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2610. Л. 198–206; ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹⁰ О реорганизации подразделений виз, регистрации и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел: Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 15 февраля 1993 г. № 124 // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

¹¹ О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 // Ведомости СНД и ВС РФ [газета]. – 1992. – № 6. – Ст. 243.

представительств МИД РФ в Биробиджане и Хабаровске.¹² Соответствующие представительства появились также во Владивостоке, Благовещенске и других дальневосточных городах.

Изменения конфигурации системы миграционных органов совпали по времени с пиком дальневосточной внутренней и внешней миграции, ростом безработицы и криминализации общества, кардинальным изменением отношения центральных властей к развитию Дальнего Востока. В данных условиях расширение приграничной торговли воспринималось как способ решения многих социально-экономических проблем региона.

Причем в 1990-е–2000-е гг. на основе конфликта между соображениями безопасности и необходимостью привлечения иностранного труда и капитала фактически воссоздалась картина противоречий в восприятии миграции, характерных для досоветского периода и приведших в итоге к росту ее незаконного сектора.

Миграция в этот период воспринималась как негативный, дестабилизирующий фактор. Обеспечение общественной безопасности требовало все более жестких ограничений и контроля, а необходимость экономического развития отдельных городов и районов, а также потребность частных бизнес-проектов в привлечении дешевой рабочей силы нередко толкали работодателей и инвесторов на прямые нарушения миграционного законодательства.

Попытки сохранить контроль над мигрантами уже к 1992 г. натолкнулись на существенные трудности, вызванные увеличением количества субъектов ВЭД. В Амурской области их число к 1993 г. удвоилось по сравнению с 1992 г. и достигло 900.¹³ В Приморском крае в середине 1994 г. ИРС использовали 100 предприятий и организаций.¹⁴

Органы исполнительной власти, призванные контролировать внешнеэкономические связи, в 1991–1993 гг. были вынуждены ослабить контроль над осуществлением ВЭД и параметрами иммиграционных потоков на территории субъектов РФ в угоду конъюнктурным потребностям руководства ряда коммерческих предприятий и организаций, заинтересованных в массовом потоке мигрантов, а затем и вовсе утратили общий контроль над ними. В итоге на межправительственном уровне в конце 1993 г. было принято решение о введении визового режима с КНР.¹⁵

Потеря государственного контроля в 1990–1993 гг. в полной мере коснулась всех потоков мигрантов, прибывавших в Россию, т. к. последующее ужесточение визового режима и введение в конце 1993 г. нового разрешительного порядка привлечения ИРС заставили существенную часть из них невольно оказаться в теневом секторе занятости без какого-либо изменения с их стороны характера, направленности и масштаба производимой деятельности. Попытки ограничить и упорядочить поток ИРС путем введения ряда визовых и разрешительных процедур в 1993–2005 гг. привели к массовому въезду на Дальний Восток иностранных рабочих и торговцев под видом «туристов». В результате регуляризацию и «массовый выход из тени» для этих категорий с большим трудом удалось осуществить лишь с принятием ряда федеральных нормативных актов в 2005–2007 гг. [Друзьяка, 2008, 2010].

¹² ГАЕАО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 72. Л. 28.

¹³ ГАО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 154. Л. 8.

¹⁴ ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1, Д. 231. Л. 145–146.

¹⁵ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР «О визовых поездках граждан». 29.12.1993 г. // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

Открытие границ и возрождение внешней миграции на дальневосточных границах в 1990-е гг. произошло при отсутствии адекватной правовой, материальной и организационной базы, без учета возможных последствий массовых потоков. Недостаточность законодательных и организационных мер и ресурсов системы государственного регулирования и контроля над отдельными миграционными потоками вызвала возрождение в регионе незаконной миграции, упорядочить которую удалось лишь к 2005–2007 гг.

Процесс реформирования и последующей деятельности системы органов регулирования и контроля над миграцией в течение 1992–2003 гг. был существенно осложнен общим комплексом административных трудностей, размытостью концептуальных задач, отсутствием современной нормативной базы и четкого взаимодействия с другими органами и структурами, организационной неразберихой, дефицитом кадров в регулирующих структурах [Друзяка, 2014].

По нашему мнению, отсутствие должной координации и дублирование контрольных функций в период 1993–2003 гг. нередко приводили к формированию особых региональных практик, находившихся в прямой зависимости от субъективных предпочтений губернаторов и руководителей федеральных ведомств. В частности, при региональных администрациях и даже на муниципальном уровне формировались различные межведомственные координационные структуры, которые оказывали непосредственное воздействие на характер мер поддержки или ограничения тех или иных потоков миграции.

В 2002–2004 гг. структура специализированных государственных органов, получивших более внятные задачи, систему координации и непосредственно включенных в процесс регулирования внешней миграции, опять подверглась реформированию в связи с принятием нового федерального законодательства о гражданстве и правовом положении иностранных граждан.¹⁶ Вместе с тем, направленность данной системы в начале 2000-х гг. окончательно приобрела официально-охранительный, репрессивно-сдерживающий характер. Наиболее отчетливо это проявилось на примере включения ФМС в состав органов МВД России, что окончательно лишило ее деятельность социального содержания. Сотрудник миграционной службы, ранее имевший задачу обустройства мигрантов и защиты их прав, обеспечения беженцев и переселенцев жильем и работой, окончательно перешел в категорию силовиков и в основном фигурирует в сюжетах об отлове «нелегалов» в ходе бесконечных облав и операций по обеспечению паспортного режима.

С 2007 г., когда был принят пакет законодательных мер, известных как «миграционная революция», и по настоящее время система миграционных органов России осуществляет регуляризацию потоков внешней миграции, привлечение ИРС на основе обоснованных квот, обеспечивает программы по переселению соотечественников на территорию Дальнего Востока и другие правительственные проекты. В частности, совместными усилиями была проведена регуляризация потока экономической миграции из КНР, существенно сокращен поток «нелегалов», налажен единый межведомственный учет на основе миграционных карт.¹⁷

¹⁶ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 №115-ФЗ // Российская газета. 14.01.2003; О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // Официальный сайт Президента России (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁷ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ: Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ // Российская газета. 20.07.2006.

В 2020 г. существенные изменения в практику осуществления миграционной политики в России внесли события, связанные с ограничениями, вызванными распространением пандемии COVID-19. В настоящее время присутствие мигрантов из КНР на Дальнем Востоке России минимально и обусловлено необходимостью поддержания деятельности предприятий, действующих на основе договоров долгосрочной аренды помещений, земель и ограниченного количества торгово-сервисных точек.

После падения курса рубля в 2014 г. и в процессе постепенного роста доходов, уровня жизни и заработной платы в КНР поток китайцев, желающих выехать в Россию на работу, снизился до минимума. В условиях карантинных мероприятий и закрытия границ (с КНР – с января-марта 2020 г. по настоящее время), ознаменовавших начало новой эпохи борьбы с пандемией COVID-19, крупнейшие объекты строительства региона испытывают дефицит иностранной рабочей силы, а качество и квалификация местных кадров не всегда удовлетворяет работодателей.

Ранее ряд регионов Дальнего Востока (в частности, Амурская область и Приморский край) избирают политику так называемой «нулевой квоты» на привлечение иностранцев в сельскохозяйственное производство, лесозаготовки, горнодобывающую промышленность, однако китайский капитал уже достаточно интегрирован в местную экономику и многие его проекты связаны именно с привлечением китайских работников. При этом с 2000-х гг. китайские предприниматели в качестве рабочей силы активно привлекают россиян. Среди всех регионов Дальнего Востока наиболее критическая ситуация с зависимостью от китайского капитала и трудовых ресурсов сложилась в сельском хозяйстве Еврейской автономной области, где китайский бизнес к 2019 г. обрабатывал до 80% посевных земель [Зуенко, 2020; Мищук, 2021].

В дальневосточном регионе сегодня остро ощущается дефицит рабочих рук, особенно в строительстве. В совокупности с другими факторами – в частности, с введением в действие федеральных программ льготного кредитования на приобретение жилья и ростом цен на строительные материалы, это стало одной из главных причин значительного роста цен на жилье, которые за прошлый год выросли на 80–90%.

В феврале 2021 г. самый дорогой квадратный метр на Дальнем Востоке был в Южно-Сахалинске (151 тыс. руб.). На втором месте – город Владивосток (144 тыс. руб.). Для сравнения: в это же время в Калининграде средняя стоимость жилья была в два раза ниже и составляла в среднем 74 тыс. руб. за 1 кв. метр. На третьем месте – Благовещенск (105 тыс. руб.). Хабаровск оказался на четвертом месте – 103 тыс. руб. Для сравнения: к примеру, в Краснодаре в новостройке можно приобрести жилье за 64 тыс. руб. за кв. метр, а средняя рыночная цена там составляет 74 тыс. руб.¹⁸

Повышение цен на недвижимость, без всяких сомнений, создает для ряда дальневосточников дополнительный стимул для продажи жилья и переезда в регион с более адекватными ценами на жилье. Другой важнейшей причиной миграции является выезд наиболее способных выпускников школ на учебу в столичные вузы, стимулирующий последующий переезд родителей. В последнее время это принимает массовый характер.

Несмотря на трудовые дефицит, в Амурской области продолжают крупные строительные проекты. Например, в г. Свободный сдан в эксплуатацию крупнейший газоперерабатывающий завод. В Благовещенске начато строительство второго моста

¹⁸ Все познается в сравнении: сколько стоит квадратный метр жилья в Приамурье, на Дальнем Востоке и в России. Информационное Агентство «Амур.инфо» [сайт]. URL: <https://www.amur.info/news/2021/02/09/184800> (дата обращения 09.02. 2021).

через реку Зея. В Тындинском и Зейском районах силами военнослужащих железнодорожных войск ведется строительство второй линии Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Выход из сложившейся ситуации руководство крупных корпораций видит в массовом привлечении на ротационной основе трудовых ресурсов из других регионов России, крупных контингентов ИПС из республик Центральной Азии и других стран, не входящих в АТР.

Выводы

Дальний Восток в текущий период испытывает трудности, связанные с острым недостатком трудовых мигрантов и с привлечением постоянных переселенцев в количестве, способном хотя бы в малой доле компенсировать отток населения и заполнить ниши на рынке труда.

В целом изучение комплекса исторически сложившихся трудностей миграционного регулирования на Дальнем Востоке позволяет выделить ряд закономерностей и сформулировать следующие выводы:

1. Осуществляемая системой государственных органов на Дальнем Востоке миграционная политика в различные исторические эпохи сохраняла общие черты. Главным ее приоритетом в имперский и советский периоды была деятельность по внутреннему переселению в приграничные районы Дальнего Востока, водворению и закреплению в регионе трудоспособного населения. При этом иммиграционная политика была подчинена интересам такого переселения и использовалась как инструмент его обеспечения.

2. Исторический опыт регулирования миграционных процессов на Дальнем Востоке указывает на то, что в периоды наибольшего притока иммигрантов, вызванного развитием экономики региона, российские административные органы зачастую утрачивали над ними контроль. Недостатки иммиграционного контроля, обусловленные слабостью и неэффективностью системы государственного регулирования иммиграции, приводили к рефлекторному ужесточению режима въезда и пребывания иммигрантов, связанному с сопутствующей идеологической кампанией, направленной против «засилья» этнических мигрантов.

3. Проводившаяся органами государственной власти на Дальнем Востоке в 1990-е гг. репрессивно-ограничительная иммиграционная политика, основанная на излишнем усложнении процедур легализации, способствовала возрождению явления нелегальной трудовой миграции и привела к утрате регионом миграционной привлекательности.

4. В современных социально-демографических условиях наметилась тенденция перехода от однобокой охранительно-сдерживающей миграционной политики к выработке комплекса мер по стимулированию притока русскоязычных мигрантов-соотечественников из республик СНГ, совершенствованию традиционных и разработке новых методов иммиграционного контроля и управления миграционными контингентами, либерализации законодательства о гражданстве для отдельных категорий мигрантов.

5. В настоящий момент российская миграционная политика имеет преимущественно ротационный характер и рассчитана на оперативное привлечение необходимых контингентов трудовых мигрантов. При этом, по нашему мнению, для принимающего общества Дальнего Востока более предпочтительной представляется

длительная и системная натурализационная политика по привлечению близкого по менталитету и культуре русского и русскоязычного населения из республик СНГ.

6. Одним из приоритетных направлений миграционной политики в регионе должен стать целевой поиск демографически значимых контингентов потенциальных мигрантов, способных надолго осесть на Дальнем Востоке. В качестве примера можно привести начавшуюся репатриацию русских староверов из стран Латинской Америки. «За пределами России численность старообрядцев может составлять более 8 млн человек. И если из них нашей стране удастся привлечь 300–500 тыс. человек, то уже к 2050 году численность населения Дальнего Востока (без Бурятии и Забайкалья) может увеличиться с 6,2 млн в 2019 г. до 8,2 млн.» [Ионцев, Субботин, 2019].

На протяжении всего периода возрождения в России массовых потоков внешней миграции миграционная политика государства отличается фактическим отсутствием понятной идеологии, современного и адекватного иммиграционного законодательства, усложненностью и бюрократическим характером репатриации соотечественников, отсутствием адекватной системы аккультурации и адаптации мигрантов. В числе этих проблем можно также назвать слабую координацию системы миграционных органов, во многом сложившихся в старой административно-охранительной парадигме, не отвечающей запросам современного социально-экономического развития страны.

На наш взгляд, большинство проблем регионального миграционного регулирования сложились под воздействием шоков, вызванных распадом советской системы регулирования внешней миграции и возникших в данной связи опасений, связанных с усилением влияния крупных региональных держав – в первую очередь КНР [Ларин, 2005, 2006, 2020; Друзяка, 2014]. Сегодня буквально на глазах происходит сокращение всех потоков миграции из Китая: привлечение рабочей силы в отдельные отрасли экономики, связанные с природопользованием (сельское хозяйство, золотодобыча, лесозаготовки), ограничено квотами, а в строительстве рабочие из КНР присутствуют в основном в проектах, организованных китайскими фирмами, с привлечением ими своих финансов, использованием своих материалов и технологий.

В условиях закрытых границ и ограничения притока трудовых мигрантов из стран АТР основной поток экономической миграции на Дальнем Востоке складывается из выходцев из стран СНГ, в основном это выходцы из Закавказья и Средней Азии.

По нашему мнению, на первый план выходит необходимость более эффективной интеграционной политики, основанной на поиске методов и практик адаптации мигрантов из Центральной Азии, включении их в социальную жизнь региона. Другим важным миграционным ресурсом остается привлечение мигрантов-соотечественников из Украины, русскоязычных жителей из других республик СНГ и других стран, для которых актуальными остаются первоочередное предоставление российского гражданства, включение в систему льгот, предусмотренных для жителей российского Дальнего Востока, максимальная свобода самореализации и деловой активности.

В этих условиях совершенно обоснованно поднимаются вопросы о новой миграционной политике, способной обеспечить региональное развитие. Ее разработке, как представляется, может содействовать как российский исторический опыт, так и опыт развития других иммиграционных стран.

Список литературы

Вацук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Герасимова Л. А., Дудченко Г. Б. Этномиграционные процессы в Приморье. – Владивосток, 2002. – 226 с.

Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С. В. Рязанцева. – М.: ЭконИнформ, 2019. – 79 с.

Друзьяка А. В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.) – Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2010. – 290 с.

Друзьяка А. В. Миграционные вызовы – ответы российского государства в 1990-е гг. XX – начале XXI вв. // Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI вв.). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 99–156.

Друзьяка А. В. Незаконная миграция на российском Дальнем Востоке в 1993–2002 гг. (на примере Амурской области) // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 5 (141). – С. 32–37.

Залеская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938). – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 380 с.

Зуенко И. Ю. Пандемия коронавируса и российско-китайское региональное сотрудничество // Известия Восточного института. – 2020. – № 2. – С. 15–28. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28.

Ионцев В. А., Субботин А. А. Роль международной миграции населения в демографическом развитии России // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под редакцией Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. – Москва, 2019. – С. 420–423.

Ионцев В. А. Современные особенности демографического развития России и ее регионов / Международный демографический форум. Материалы заседания. – Воронеж, 2020. – С. 37–42.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М., 2009. – 512 с.

Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 424 с.

Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). – М: Восток-Запад, 2005. – 390 с.

Ларин В. Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 9–27. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015.

Мицук С.Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке России: до и после 2020 года // Региональные проблемы. – 2021. – Т. 24. – № 2–3. – С. 171–174. DOI: 10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174.

Мотрич Е. Л. Миграция и этнические отношения на Дальнем Востоке России // Дальний Восток в зеркале этнополитики. Материалы Всероссийской научной конференции / Под редакцией Е. Н. Спасского, О. А. Рудецкого. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 98–102.

Петров А. И. История китайцев в России. 1865–1917 годы. – СПб: ООО «Береста», 2003. – 960 с.

Региональные особенности демографического развития России в XXI веке / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. – М. Экон-Информ, 2019. – С. 162.

Захарова О. Д., Рыбаковский Л. Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия / Институт социально-политических исследований РАН. – М., 1994. – 40 с.

Рязанцев С. В. Новые направления миграционной политики в контексте демографического развития России // II Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. – Москва, 2020. – С. 236–239.

Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 512 с.

Сведения об авторе:

Друзьяка Андрей Викторович, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: druzyaka12@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7083-6298; РИНЦ Author ID: 746305; Scopus Author ID: 57190864168.

Статья поступила в редакцию 25.01.2021; принята в печать 30.03.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

THE SYSTEM OF REGULATION OF EXTERNAL MIGRATION IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION (1991–2020)

Andrey V. Druzyaka,

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: druzyaka12@mail.ru

For citation: Andrey V. Druzyaka *The System of regulation of external migration in the Far East of the Russian Federation (1991–2020).* DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 3. P. 114–129. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.10

Abstract. *The article considers the system of regulation of external migration in the Russian Far East, which consists of bodies ensuring the entry and exit of Russian citizens and foreigners to the territory of Russia, the regime of their stay, registration, labor activity and naturalization. The periodization of the stages of the Russian migration policy in specific conditions determined by the political and economic conjuncture is given.*

The purpose of the article is to analyze the historical conditions, as well as the characteristic features of the creation, functional formation and organizational transformation of the bodies of the system of state regulation of migration control in the period 1991–2020. The problems of their functioning and the results of the implementation of migration policy in the Russian Far East are considered. This article will briefly present the main aspects of the formation of the system of state regulation of immigration in the 1990s, as well as the associated difficulties that manifested themselves in the implementation of the state migration policy during the period under study. Based on the analysis of the activities of a number of federal and regional social, administrative and law enforcement agencies, the experience of state regulation of external migration in the period 1990–2020 is considered, the analysis of the implementation of the functions of the migration authorities system and the results of their impact on individual external migration flows is given.

The opening of borders and the massive influx of migrants from Asian countries in the Far East in the 1990s coincided with the period of reforming the system of state control over migration, which was subjected to organizational changes, received a number of new functions and tasks. In the Russian Far East, the process of reforming this system was complicated by regional difficulties associated with the development of relations between federal and regional authorities with entrepreneurship and local self-government.

The weakness and insufficient coordination of the activities of migration control bodies, their lack of common and understandable goals, the transfer of the competence of naturalization and registration of migrants into the hands of law enforcement agencies, the loss of social orientation in working with migrants have largely caused failures in social policy towards migrants, the formation of closed criminal communities in their environment, which are the basis for the formation of extremist practices and xenophobic attitudes in the host Russian society on the territory of Russia.

As a result of the analysis of the results of the activities of the migration authorities system, general conclusions are made about the effectiveness of its work in the Far East, the successes achieved. At the same time, the article offers a number of proposals on improving work with foreign workers and immigrants, aimed at compensating for the loss of population and labor resources in the region.

The results of the study can be used to improve the migration control system, to develop the foundations of migration policy in the region. The issues raised in it can become the basis for a more in-depth study of the processes related to the activities of state, municipal and public bodies involved in the regulation of migration, in order to attract, settle and adapt migrants necessary for the Far East.

Keywords: *reforms, the Russian Far East, foreign economic activity, migration regulation, state bodies, migration policy, migrants, immigrants, naturalization.*

References

Vashchuk A. S., Chernolutskaia E. N., Korolyova V. A., Dudchenko G. B., Gerasimova L. A. *Ethnic and Migration Processes in Primorye Province in XX century.* Vladivostok: Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, 2002. 228 p.

Demographic situation in russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report. Edited by Corr.-Member of the RAS S. V. Ryazantsev. M.: Ekon-Inform, 2019. 79 p.

Druzyaka A. V. Istoricheskij opy't gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnej migracii na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (1858–2008 gg.). [Historical experience of state regulation of external migration in the South of the Russian Far East (1858–2008)] Blagoveshhensk: Izd-vo Blagoveshhenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2010. 290 p.

Druzyaka A. V. The migration challenges – the answers of the Russian state (the 1990s – the early XXI c. The historical problems of socio-political security of the Russian Far East (the second half of XX – the early XXI c.) Vol. 2. Migration challenges and the strategies of sociopolitical security of the Far Eastern territories. Vladivostok: IHAEPFE, 2014. P. 99–156.

Druzyaka A. V. Nezakonnaya migraciya na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1993–2002 gg. (na primere Amurskoj oblasti) [Illegal migration in the Russian Far East in 1993–2002 (on the example of the Amur region)]. *Vestnik DVO RAN*. 2008. No. 5 (141). P. 32–37.

Zalesskaya O. V. Kitajskie migranty' na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938) [Chinese migrants in the Russian Far East (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 380 p.

Zuenko I. Yu. Coronavirus Pandemic and Russo-Chinese Regional Cooperation. *Oriental Institute Journal*. 2020. No 2. P. 15–28. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-2/15-28.

Iontsev V.A., Subbotin A.A. Role of the international population shift in demographic development of Russia. The national demographic priorities: approaches and measures of realization. Series «Demography. Sociology. Economy». Vol. 5, No. 2. Under edition of the member correspondent of RAS Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Moscow: Econ-Inform, 2019. P. 420–423.

Iontsev V. A. Sovremennyy'e osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii i ee regionov. Mezhdunarodny'j demograficheskij forum [Modern features of the demographic development of Russia and its regions]. Materialy' zasedaniya. Voronezh, 2020. P. 37–42.

Larin A. G. Kitajskie migranty' v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modernity]. M., 2009. 512 p.

Larin V.L. In the Shadow of the Dragon Awaken: The Russian-Chinese Relations on the Boundary of the 20th–21st Centuries. Vladivostok: Dalnauka, 2006. 424 p.

Larin V. L. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'ny'x izmereniyax (80-e gody' XX– nachalo XXI v.) [Russian-Chinese relations in regional dimensions (the 80s of the XX– the beginning of the XXI century)]. M: Vostok-Zapad, 2005. 390 p.

Larin V.L. «Chinese expansion» in the eastern regions of Russia at the beginning of the XXI century: through the prism of comparative analysis. *Comparative Politics Russia*. 2020; 11(2). P. 9–27. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015. (In Russ.).

Mishchuk S. N. Labor migration in the Far East of Russia: before and after 2020. *Regional'nye problemy*, 2021, Vol. 24, No. 2–3, pp. 171–174. DOI: 10.31433/2618-9593-2021-24-2-3-171-174. (In Russ.).

Motrich E. L. Migraciya i e'tnicheskie otnosheniya na Dal'nem Vostoke Rossii [Migration and ethnic relations in the Russian Far East]. Dal'nij Vostok v zerkale e'tnopolitiki. Materialy' Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Pod redakciej E. N Spasskogo, O. A. Rudeczkogo. Xabarovsk: Dal'nevostochny'j gosudarstvenny'j universitet putej soobshheniya, 2019. P. 98–102.

Petrov A. I. Istoriya kitajcev v Rossii. 1865–1917 gody' [The history of the Chinese in Russia. 1865–1917]. SPb: «Beresta», 2003. 960 p.

Regional'ny'e osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii v XXI veke [Regional features of the demographic development of Russia in the XXI century]. Pod red. L. L. Ry'bakovskogo. M. E'kon-Inform, 2019. P. 162.

Zaxarova O. D., Ry'bakovskij L. L. Nelegal'naya immigraciya v prigranichny'x rajonax Dal'nego Vostoka: istoriya, sovremennost', posledstviya [Illegal immigration in the border areas of the Far East: history, modernity, consequences]. Institut social'no-politicheskix issledovanij RAN. M., 1994. 40 p.

Ryazantsev S.V. New directions of migration policy in the context of demographic development of Russia. II Vserossijskij demograficheskij forum s mezhdunarodny'm uchastiem : materialy' foruma (Moskva, 4 – 5 dekabrya 2020 g.) / Otv. red. S.V. Ryazancev, T. K. Rostovskaya ; FNISC RAN. – Moskva : Izdatel'stvo OOO «Ob`edinennaya redakciya», 2020. P. 236–239.

Chernolutskaya E.N. The forced migrations in the soviet Far East in 1920s – 1950s. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 512 p.

Bio note:

Andrey V. Druzyaka, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk. Russia.

Contact information: e-mail: druzyaka12@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-7083-6298; RSCI Author ID: 746305; Scopus Author ID: 57190864168.

Received on 25.01.2021; accepted for publication on 30.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.